

Номинация №1: «Пьесы» – драматургические произведения, не попадающие в тематические номинации конкурса.

«А Мадонна шла по Иудее...»

Почти библейская история

Действующие лица:

Мэй

Нафа

Петр

Иван

Яша Большой

Яша Маленький

Фадя

Фома

Фил

Сима

Андрей

Карик

Анна – первосвященник иудейский

Каиафа – первосвященник иудейский

Ирод Антипа - тетрарх, правитель Галилеи и Перей, сын Ирода Великого

Йехуда – сын Симона

Коба

Серго

Действие первое

Картина I

Закрытый занавес. Мужской голос читает отрывок из евангелия от Луки:

«Пошёл также и Иосиф из Галилеи, из города Назарета, в Иудею, в город Давидов, называемый Вифлеем, потому что он был из дома и рода Давидова, записаться с Марию, обручённую ему женою, которая была беременна. Когда же они были там, наступило время родить Ей; и родила Сына своего Первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли, потому что не было им места в гостинице».

Занавес открывается. Наши дни. Клуб-антикафе. Комната обставлена в стиле хайтек: пастельные тона мебели и стен, кресла-мешки, пуфы-кубики. В глубине комнаты ниша, в нише двухэтажная тахта-купе. Сбоку слева высокое окно. С правой стороны арка-вход, завешанная керамическими бусами. Передняя часть комнаты – небольшой подиум, на котором стоит стол и два кресла-мешка. В глубине ниши полутемно.

На авансцене низкий столик, справа и слева два кресла-мешка. В одном из кресел сидит молодой человек лет двадцати-двадцати пяти. Джинсы, клетчатая рубашка с короткими рукавами. В руках книга, которую он перелистывает, ищет нужное место. Читает вполголоса.

Молодой человек:

- Душ ловец, ты вышел на рассвете,

С бедной сетью из расхожих слов,

На исходе двух тысячелетий,

Покажи, велик ли твой улов?

Шуршание бус, в комнату входит второй молодой человек: высокий, худощавый с длинными светлыми волосами, забранными в хвост, на голове растаманская шапочка. Вместо рубахи ярко-желтая хламида, свисающая до колен, в цвет штанов, на шее болтается амулет на длинной плетеной веревке. Не замечая первого молодого человека.

Второй молодой человек: И тишина!

Первый молодой человек:

- Слаб душою и умом не шибок,

Верил ты и Богу и царю,

Я не повторю твоих ошибок,

Ни одной из них не повторю...

Второй молодой человек: Матюша, здравствуй, возлюбленный брат мой!

- Тут звоню я корифею

Другу - Левию Матвею.

Говорю ему, Матвей, доставай скорей портвейн!

Первый молодой человек поднимает голову: Нафа, что ты несешь?

Нафа (шутливо): И это вместо здравствуй, о, возлюбленный в Боге брат мой! Что, плохо? Это я сам! Причем, заметь себе, сходу, увидев тебя, восторгнувшись от зрелища, и ва-а-ще! А ты! Мэй, ты приземленный человек! Я обиделся навсегда!

Мэй (не поднимая глаз от страницы): Еще добавь, «...что может спасти смертельно раненого кота...», и полный комплект.

Нафа смеется.

Нафа (указывая на книгу): Это что?

Мэй: Кто...

Нафа: Кто?

Мэй: Галич.

Нафа: Высоцкого знаю, а это что за зверь?

Мэй (почти сердито): Сам-сла ты крыс-ла! Ты послушай:

- А Мадонна шла по Иудее!

В платьице, застиранном до сини,

Шла Она с котомкой за плечами,

С каждым шагом делаясь красивей,

С каждым вздохом делаясь печальней,

Шла, платок на голову набросив, –

Всех земных страданий средоточье,

И уныло брел за Ней Иосиф,

Убежавший славы Божий отчим...

Нафа (подходит к Мэю, оценивающе): Хорошо! Нет, правда, забирает!

Мэй (подняв глаза от страницы): Куда тебя забирает?! (Шутливо стучает Нафу книжкой по голове).

Нафа делает вид, что боксирует с Мэем.

Нафа: Бокс, бокс! Удар, хук в челюсть, о,о! Дыщь!

Бьет сам себя по челюсти и падает в кресло, с головы падает шапочка, делает вид, что лежит в нокауте.

Мэй: Нафа...

Нафа приподнимает голову и притворно стонет. Мэй смотрит на него и качает головой.

Мэй: Дурилка картонная! Где наши?

Нафа (подбирает шапочку, надевает на голову): Не знаю... Что никого не было еще?

Мэй: Нет, я уже часа как два тут торчу.

Нафа: Кофе хочешь?

Мэй: Ты при деньгах?

Нафа: Ага.

Мэй: Тогда, давай, эх, жалко здесь курить нельзя...

Нафа выходит, возвращается с двумя одноразовыми чашками кофе. Быстро ставит их на стол. Трет пальцы, дует на них.

Нафа: Черт, обжегся!

Мэй достает из кармана носовой платок, берет чашку платком, пьет.

Мэй: А поднос с кухни взять не судьба?

Нафа: Не подумал.

Садится в кресло, секунду думает, чем бы взять чашку, снимает с головы шапочку, оборачивает ею чашку, пьет. Мэй хмыкает, глядя на его манипуляции.

Мэй: Универсализация плюс глобализация плюс изобретательность! Нафа, на кухне подносы, салфетки...

Нафа (очень серьезно): Брат мой, у кого на плечах есть голова, тому не нужны бытовые мелочи, усложняющие пространство, как говорит дон Карлос Кастанеда. Устами своего провестника дона Хуана!

Мэй смеется.

Мэй: Клоун!

Нафа: О, слушай, я знаю, где все!

Мэй: Где?

Нафа: Тебя ж вчера не было, а Петька говорил, что все пойдут на площадь, там какое-то демократическое сборище, ну, типа флэш-моб за демократию, свободу слова и т.п. И наш «великий учитель» будет излагать свои идеи! Во!

Мэй: И все поперлись туда...

Нафа: Угу. (Пьет кофе).

Мэй: А ты чего не пошел?

Нафа: Мое жизненное пространство, о, брат мой возлюбленный, не терпит посягательства и сокращений, шума и многолюдства!

Мэй: Фундаментально... А серьезно?

Нафа: Не хочу. Не верю я, Матюша, во все эти коллективные выступляжи. С них всегда начинается всякая хрень вроде массовых репрессий.

Мэй: Ну, ты скажешь!

Нафа: Так и есть. Все общественные кризисы, почти, начинались с демонстраций и выхода толпы на улицы.

Мэй: Например?

Нафа: Аргентина, Чили, Эквадор...

Мэй: Это далеко.

Нафа: Великая Октябрьская социалистическая ... Это я не беру февральскую и всякие выкрутасы, вроде кровавого воскресенья и пр.

Мэй (задумчиво): Нафа, как в тебе все укладывается?

Нафа удивленно поднимает брови.

Мэй (улыбаясь): Твое могучее раздолбайство, кастанедство и серьезное изучение истории. Ты чего-нибудь по истории не знаешь?

Нафа (смеясь): Я ничего не знаю! (С воодушевлением). Я тут недавно такой контент нарыл! Альтернативная история! Причем с геологией, астрономией, физикой, это полный умат!

Мэй: Интересно?

Нафа: Я тебе ссылку кину, послушаешь! Все, чем нам набивали голову в школе – детский сад – трусы на лямках!

Мэй: Ладненько...

Встает, ходит туда-сюда по комнате, прихлебывая кофе.

Нафа: Чего запаниковал?

Мэй: С чего это?

Нафа: Ты, когда волнуешься, всегда бегаешь туда-сюда.

Мэй: Да?

Нафа: Знаешь, что у Кастанеды написано? Человек должен стать ловцом своих привычек. Иначе он тратит энергию впустую и не сможет сдвинуть точку сборки...

Мэй: Погоди..., не нравится мне этот поход, тем более, если Гуру с ними.

Нафа: Не сгущай... Ну, что там может случиться? Так пошумят и разбегутся, все сугубо мирно...

Мэй: Ты ж «нашего мальчика» знаешь, он же обязательно вяжется куда-нибудь.

Нафа: Там Сима. Отобьются, если что.

Мэй: О то ж, «если что»!

Нафа: Ты напрасно... Сейчасные выступления – спуск пара. К этому никто всерьез не относится...

Мэй: К Христу тоже никто всерьез не относился..., сначала...

Нафа (присвистнув): Ты сравнил божий дар с яичницей! Наш - ученик, не более!

Мэй (про себя): Апостолов тоже арестовывали. (Берет книжку, читает):

- То-то радости пустомелям!

Темноты своей не стыжусь!

Не могу я быть Птолемеем!

Даже в Энгельсы не гожусь!

Но от вечного бегства в мыле,

Неустройством земным томим,

Вижу: что-то неладно в мире,

Хорошо бы заняться им.

Откладывает книжку, обращаясь к Нафе, который подался вперед и внимательно слушает.

Мэй: Чувствуешь, да?

Нафа: Ай, молодца!

Мэй (читает):

- И все-таки я, рискуя прослыть

Шутом, дураком, паяцем,

И ночью и днем твержу об одном:

Не надо, люди, бояться

Не бойтесь хвалы, не бойтесь хулы,

Не бойтесь мора и глада,

А бойтесь единственно только того,

Кто скажет: "Я знаю, КАК НАДО!"

Кто скажет: "Идите, люди, за мной!"

Я вас научу, КАК НАДО!"

Поднимает глаза на Нафу.

Нафа: Да, уж... Хороший поэт... А в нэте есть?

Мэй: Наверное, там все есть.

Нафа: Почти...

Грохот раздвигаемых бус. В комнату вваливается полноватый коротконогий крепыш.

Нафа (поворачивает голову на звук): Те же и явление из брэнного мира – Яша Маленький собственной персоной.

Яша Маленький: Ребят на площади повязали!

Мэй и Нафа вскакивают, Яша в изнеможении падает в кресло, с которого вскочил Нафа.

Мэй: Накаркал...

Затемнение.

Картина II

На сцене полутемно. В глубине сцены угадывается сводчатый коридор с колоннадой. На авансцене низкий резной столик, рядом с ним два небольших кресла без спинок с высокими подлокотниками. На одном из кресел массивная тяжелая подушка. Слышно журчание воды и затихающий птичий гомон.

Из колоннады выходит пожилой человек, именно пожилой, почтенный, но не дряхлый. Белая, аккуратно подстриженная борода, смуглое лицо в глубоких морщинах, осанка властная, как и манеры. Одежда: длинный хитон (кетонет) с широким кожаным поясом, шелковый расшитый по краям халлук скреплен золотой пряжкой, на голове кидар (тюрбан) невысокий, но также расшитый шелком.

За человеком идет слуга в хитоне до колен с веревочным поясом, без верхней одежды, на голове темный тюрбан.

Человек (садясь на кресло, слуге): Иди к нему во дворец. Скажи, что я жду. И проследи, чтобы, когда он придет, ни в саду, ни в колоннаде не было ни души.

Слуга кланяется и уходит в колоннаду. Через минуту из колоннады быстро выходит мужчина средних лет. Одет, как и первый, только тона одежды темные. Холеная черная борода чуть с проседью.

Мужчина (почтительно): Ты звал меня, Анна, но твой посланец промешкал, я пришел сам.

Анна (любезно): Сядь, Каиафа, здесь приятно провести вечер. Смотри (поводит рукой), сад засыпает, покой сходит на землю.

Каиафа: На землю, но не на душу. (Напористо). Ты знаешь, зачем я пришел. Я почти нарушил закон, я хочу говорить с тобой о делах, которые более приличествуют дню, чем ночи.

Анна: Только вечер... (Покровительственно). Успокойся, ты ничего не нарушаешь. Я старик, тем паче, твой тесть, ты пришел в мой дом выказать почтение отцу своей жены. Разве в законе говорится о том, что нельзя приходить в дом своих сродников в вечернее время?

Каиафа (с усмешкой): Нет.

Анна: Не спеши. Разве мудрый совет можно дать, когда язык от торопливости заскакивает за зубы? А ты пришел за советом... (Жестко). Ведь так?

Каиафа наклоняет голову. Анна хлопает в ладоши. Входит слуга с подносом, на котором фрукты и сосуд для омовения рук (с двумя носиками), на плече слуга несет белое полотенце. Ставит поднос на стол. Берет сосуд. Анна и Каиафа омывают руки. Слуга протягивает полотенце. Анна и Каиафа вытирают руки.

Анна делает жест, который означает: «можешь идти». Слуга уходит.

Анна: Благословен Ты, Господь, Бог наш, Владыка мира, Сотворивший плод дерева. (Садится, Каиафе). Угощайся.

Каиафа садится. Берет персик. Ест. Анна наблюдает за ним.

Анна: Вкусно?

Каиафа (с улыбкой): Да.

Анна: Когда все, что делается, делается сообразно закону, даже плод дерева или земной плод в два раза вкуснее.

Каиафа кивает, пряча усмешку.

Анна: Так вот, я спрашивал себя, а теперь, задаю вопрос тебе, как нам надлежит поступить с тем, кто нарушает закон?

Каиафа (кладет недоеденный персик на поднос, мрачно): Он возмущает народ, он богохульствует, он...

Анна (оживленно): Ты слышал это сам? Мог бы свидетельствовать?

Каиафа: Нет. Но это слышали люди..., которые ходят за ним.

Анна (со вздохом): Слышали, но не поняли суть..., а наши друзья из дворца Ирода не могут быть полезны...

Каиафа (удивленно): Из дворца Ирода?

Анна (с улыбкой): Мы должны быть лояльны римскому кесарю...

Каиафа (с улыбкой): Я восхищаюсь твоей мудростью... Впрочем, как и всегда!

Анна вытаскивает из-за пояса монету и протягивает ее Каиафе.

Каиафа: Динарий? Налог кесарю?

Анна: Зять мой, ты, как и всегда, тонко понимаешь вопрос...

Каиафа (наклоня голову): Благодарю.

Анна: Только найди верного человека...

Каиафа (с облегчением): За этим дело не станет. Огромная толпа, человеком больше, человеком меньше, он не скрывается, не прячется, это будет легко...

Анна (задумчиво): Толпа... Толпа состоит из людей, а люди, приходя в суд, пугаются и говорят чепуху...

Каиафа (со вздохом): Закон строг. Они боятся опорочить невиновного. Никто не хочет судьбы Каина... Но порой... (тихо) мне кажется, что закон налагает...

Анна (усмехаясь): ... слишком много ограничений? (Рассудительно) Это данность, мы должны следовать ей не отклоняясь ни вправо, ни влево, но каждый судья толкует закон..., это не возбраняется... (Минуту подумав) А те, двенадцать?

Каиафа (с неудовольствием): Зачем? Они смотрят ему в рот... ходят за ним, как стадо. Он даже называл их овцами.

Анна (посмеиваясь): И они не обиделись? Потрясающее смирение! У них есть чему поучиться...

Каиафа (легким тоном): Не обиделись..., но...

Анна (цепко): Что?

Каиафа (еще более легким тоном): О, так, ничего... Там есть один человек Фома, его называют еще Близнец, у него сросшиеся пальцы на правой руке...

Анна: Так что же?

Каиафа: Он глуповат, и во всем требует подтверждений...

Анна делает жест, выражающий сомнение.

Каиафа: Есть и другой... Иуда Симонов, он быстр в суждениях, умен, резок с людьми, горд...

Анна: Я знаю о нем... (кивает Каиафе, тот улыбается). Ну, что ж, да будет так...

Каиафа жадно вглядывается в лицо Анны, но тот сидит неподвижно, глядя в одну точку, как будто видит что-то скрытое от собеседника.

Затемнение.

Картина III

Обстановка первой картины первого действия. Яша Маленький, Нафа, Мэй.

Яша Маленький сидит у стола, машинально мнет и снова расправляет пустую одноразовую чашку. Нафа стоит у окна. Мэй ходит по комнате от окна, возле которого

стоит Нафа, до столика, за которым сидит Яша Маленький, и обратно, круто разворачиваясь на каблуках. Во время одного из таких поворотов останавливается.

Мэй: Ну, братцы кролики, что делать будем?

Яша Маленький (сминая чашку): Не знаю... (расправляет чашку).

Мэй: Яш, не шурши, на нервы действует...

Яша Маленький: Извини... (Ставит чашку на столик).

Нафа (разворачивается от окна): Петька идет!

Шелестение бус. Входит Петр. Петру на вид лет двадцать семь-тридцать. Джинсы, темная толстовка с длинными рукавами. Движения размашистые, резкие. Выглядит мрачновато, наверное, из-за бороды, которая покрывает щеки почти до глаз. Характерная особенность: когда говорит, почти никогда не смотрит на собеседника.

Мэй (кивает Петру): Здорово, чего мрачный такой?

Петр жмет руки Нафе и Мэю. Кивает Якову, который буквально ест его глазами.

Нафа (Петру): Кофе будешь?

Петр кивает, садится в кресло. Нафа приносит поднос, на котором три чашки кофе.

Мэй (чуть улыбаясь Нафе, кивает на поднос): Бытовые мелочи?

Нафа: Ага. (Якову) Яш, ты тоже хлебни, а то на тебе лица нет.

Петр берет чашку, пьет. Яков тоже, но быстро отпускает. Мэй протягивает ему носовой платок. Яков оборачивает чашку, подносит ко рту.

Нафа (Мэю): У Петьки руки – волков давить! Чашка же раскаленная!

Яков, отхлебнув кофе, смотрит на Петра.

Яша Маленький: Петь?

Петр (залпом выпив кофе): Плохо все, Яш.

Мэй (Нафе, кивая на Петра): И шерсть во рту растет...

Нафа громко смеется.

Петр (Нафе): Ты чего?

Нафа: Петя, у тебя и во рту борода?

Петр (машинально): Борода?

Нафа: Кофе – кипяток...

Петр: А...

У Петра в кармане запел мобильник. Петр достает телефон.

Петр: Да! На месте, приходи... (Кладет мобильник на стол).

Мэй: Петь, не молчи, пожалуйста!

Петр: Ребят забрали с митинга...

Нафа: Так все-таки митинг был?

Петр (раздраженно): Не совсем... Они это назвали прогулкой по аллее свободы.

Нафа: Понятно. А прогулка была неразрешенная?

Петр: Да. В общем, а «наш мальчик» еще и разглагольствовать начал, о свободе совести...

Мэй: Всех забрали?

Петр: Кроме него (кивает на Яшу Маленького). Меня отпустили, ребят еще прессуют. Я сказал, что никого не знаю, что попал на площадь случайно...

Нафа: Поверили?

Петр: Нет скорей всего. Подписку взяли о невыезде.

Яша Маленький присвистнул.

Яша Маленький: Ничего себе!

Нафа (Петру): А, кто еще был?

Петр: Фадя, Фил, Фомка, Сима, Яша Большой, Ванька.

Мэй: А Андрей?

Петр: Он мне еще раньше звонил, в пробку попал, сейчас приедет.

Мэй начинает снова ходить туда-сюда по комнате.

Нафа (Мэю): Матюш, погоди нервничать! Оштрафуют, этим все кончится. Административное нарушение.

Яша Маленький (резко): Не кончится!

Мэй останавливается на пол-дороге к окну. Нафа хочет что-то сказать, но Яков перебивает его.

Яша Маленький (скороговоркой): Там эти были, селигеровские. Один вылез и начал толкать про то, что мы все предатели, не поддерживаем возрождение России, что наше место в Штатах... Гуру начал возражать, тот на него полез с кулаками. Гуру хотел в сторону уйти, а тут менты на него навалились...

Нафа: На Гуру?

Яша Маленький: Да. Ванька полез что-то объяснить, а его вырубил, и в машину, ну, тут уже и Сима, и Фадя, и Яшка... (Безнадежно машет рукой)

Нафа: Страна дураков!

Петр: Провокаторов... Это я виноват, не отговорил их вчера..., хотел же...

Мэй: Яш, а ты?

Яша Маленький: Я стоял далеко... не успел к ним пробиться, только «демократизатором» получил...

Нафа: Хоть ты не попал...

Шелест бус. Входит Андрей. Про Андрея в компании говорят, что он «прямой, как дверь»: открытое лицо, высокий лоб, упрямо сложенные губы. Он не способен «держать за пазухой камень», что думает, то и говорит.

Андрей здоровается со всеми за руку.

Андрей: Разбор полетов?

Мэй (мрачно): Залетов!

Нафа: Мэй, ну, что ты, правда, каркаешь! (Оглядывает всех) Ребята, ну, ей-Богу, ну, ничего такого, чтобы в обморок падать! Подрались, поскандалили... Симка вообще каждые полгода попадает, и то ничего!

Петр: Ничего хорошего! Ты знаешь, про что меня спрашивали?

Нафа: Ну?

Петр: Какие цели преследует наша организация, есть ли регистрация минюста, кто дал разрешение на митинг, кто платит, какие фонды, что-то «тележили» про отмывку вложений...

Нафа (растеряно): Каких вложений?

Андрей (спокойно): Иностраных, Нафа. Зарегистрированным организациям, занимающимся пропагандой в СМИ, интернете и пр., помогают западные фонды. Если организация не зарегистрирована, это незаконно ..., то есть, теоретически можно вывернуть, как угодно, вплоть до терроризма.

Мэй (растеряно): Так что получается? Что за нами следили?

Петр: Не за нами, а за Гуру... Мы им не особо нужны... Я только сейчас это понял...

Андрей: Система тридцать седьмого года...

Нафа (ошарашено): Похоже...

Яша Маленький (растеряно): Так что делать?

Мэй (решительно): Давайте думать, как его вытаскивать!

Яша Маленький: А остальные?

Нафа (Яше Маленькому, очень терпеливо): Яков, тебе же объяснили, ребята им не нужны. Выпустят..., к ночи все будут здесь.

Андрей: Товарищ, верь, пройдет она, так называемая «гласность». И вот тогда госбезопасность припомнит наши имена

Затемнение.

Картина IV

На авансцене обитое пурпуром резное кресло, рядом такая же скамеечка для ног. Остальное пространство сцены затемнено. В глубине сцены угадывается высокий дверной свод.

Входит Анна. Он в одеянии первосвященника (эфоде) с поясом, но без нагрудника. Из-под эфода виден белоснежный хитон. К нижнему краю эфода, как и положено, пришиты «гранатовые яблоки» из скрученных пурпурных и голубых нитей, и золотые колокольчики.

Анна останавливается возле кресла с правой стороны. Из глубины сцены слышен чей-то недовольный голос:

- Неужели я должен прерывать дневной отдых из-за очередного безумца, пришедшего в Иерусалим... Хорошо, хорошо

В комнату входит невысокий тучный человек. Курчавые черные волосы, короткая бородка. Человек одет пышно, но как-то странно, небрежно. Пояс с кистями небрежно завязан вокруг толстой талии, талит сидит криво, мантия неряшливо свисает с плеча, как и венец, который помещается на голове чуть ли не набекрень.

Анна склоняется перед вошедшим в глубоком поклоне.

Анна: Царь, я приветствую тебя и скорблю о доставленном беспокойстве, но дело не терпит отлагательств.

Человек морщится и садится в кресло, заботливо устанавливает ноги на скамеечку.

Человек (недовольно): Первосвященник, я был бы очень признателен тебе, если бы ты именовал меня подобающе, а не титулом, который мне не принадлежит.

Анна делает вид, что удивлен. Выпрямляется и разводит руками.

Анна: Как же мне именовать сына Ирода Великого Ирода Антипу?

Антипа: Хорошо, хорошо, не хочешь «тетрархом» - говори, «царь»... Но ты поднял меня с ложа... наверное что-то важное привело тебя ко мне?

Анна (значительно): Галилеянин...

Антипа делает досадливый жест.

Антипа: Клянусь памятью моего отца, как же он надоел мне! Эта смута при его рождении, потом этот первый сумасшедший! Как его?

Анна: Йоханан бар Зехарья

Антипа: Косматый! Мне до сих пор снится его голова с кровавыми губами! А этот будет почище того! Что он натворил еще? Снова проповедовал и мучил чернь?

Анна (тихо): Он называет себя «Царь Иудейский».

Антипа вскакивает, кресло и скамейка опрокидываются.

Антипа: Безумец! Хочет, чтобы Цезарь отправил сюда войска! Мало нам вензелей! (Остановившись и подумав). Подожди, так может он просто сумасшедший, и все? Так какое дело тебе или римскому прокуратору до того, что болтает безумец? Пусть себе...

Анна (тихо и убедительно): Царь, один безумец обличал царицу, другой пошел дальше и провозгласил себя царем... Римлянам не нравятся фанатики, водящие за собой бесчисленные толпы народа...

Антипа (раздраженно): Чего ты хочешь?

Анна: Подтверди его виновность, если такое потребуется, и можешь рассчитывать на мою верность.

Антипа (с сомнением) Твою верность... (Решительно). Хорошо... (Тихо). Только запомни, первосвященник, если ты нарушишь свое обещание, я обращусь в суд Синедриона, и буду требовать, чтобы тебя судили как клятвопреступника!

Анна (с глубоким поклоном): Да будет так! Я ухожу в веселии сердца и с благодарностью!

Кланяется Антипе, уходит.

Антипа (один): С благодарностью! Твоя благодарность стоит ровно столько, сколько ты платишь своим шпионам! Как будто я не знаю, что истинный царь здесь он. Старый лис!

Уходит.

Затемнение.

Картина V

Обстановка первой картины первого действия.

Нафа, Мэй, Петр, Андрей и Яша Маленький сидят вокруг столика чуть в глубине авансены. На переднем плане авансены лежит **Фадя**, рядом с ним сидят **Фил** и **Фома**.

В нише на тахте **Сима**.

Яша Большой и **Ваня** стоят у окна.

Ваня самый молодой из всех: высокий, с тонким лицом, очень худой, почти аскетически. **Ваня** молчун, говорит редко, но метко.

Яша Большой - старший брат **Вани** и его зеркальное отражение: братья одного роста, только **Яков** плотный, как бочонок, волосы светлее. Если у **Вани** движения мягкие и немного неуверенные, **Яша** движется четко, упруго как человек осознающий, что довольно силен. **Яков** старше **Ивана** лет на пять-шесть.

Филипп (Фил) – чуть старше **Вани**. Коротко стриженные волосы торчат ежиком, рэперские штаны, кислотная футболка, только скейта не хватает.

Фома – чем-то очень напоминает **Симу**, только в отличие от мрачноватого **Симы**, **Фома** улыбчивый и открытый. Одет, как и **Фил**, в реперскую униформу. В компании их называют **Труляля** и **Тралалая**, когда они говорят, один продолжает другого.

Фаддей (Фадя) – одет так же экстравагантно, как **Нафа**. Рубаха в мелкий цветочек до колен, драные джинсы.

Сима – угловатый, резкий. Даже когда он двигается спокойно, кажется, что произойдет взрыв.

Фадя (поет):

- Что-то солнышко не светит,

Над головушкой туман,

Ай уж пуля в сердце метит,

Ай уж близок трибунал.

Андрей: **Фадя**, черт тебя знает, где ты их берешь, такие песни?

Фадя: Темнота, это же аутентика! Песня антоновского мятежа!

Нафа: Образованный ты наш...

Фадя: Та ладно! Лучше скажи, что нам делать?

Нафа: Думать!

Фил: Уже час думаем, толку?

Петр: Значит, не туда думаем.

Фадя (с утрированным акцентом): Куда, куда?

Нафа встал с кресла, резко хлопнул в ладоши, все посмотрели на него.

Нафа: Народ, стоп! Мы заикнулись ... Давайте так, почему и кому это выгодно.

Фил: Потому, потому, что мы пилоты...

Фома: Первым делом мы испортим самолеты,

Ну, а девушек, а девушек потом...

Сима засмеялся.

Мэй: Братцы-оболдуи!

Ваня (повернувшись от окна): В нашей жизни случаются беды, мы не можем их предотвратить. Но они случаются по какой-то причине. Только преодолев их, мы понимаем, зачем они были нужны.

Нафа: Сам сформулировал?

Ваня: Нет, Коэльо.

Сима резко встал, вышел вперед, чуть не споткнулся о Фадю.

Нафа: Командора шаги злы и гулки...

Сима: Тьфу!

Фадя (не меняя позы): Вот, еще и оплевали!

Все вяло засмеялись.

Сима: Ладно..., народ, Нафа прав, главный вопрос: «почему».

Андрей: Тут ясно, Гуру - открытая душа. Увлекся экуменикой, ему кажется, что это наиболее подходящий способ веры. Нас заинтересовал... Скольким людям он об этом говорил...

Фил: Каждому встречному. Помните, год назад он нас на журналистский форум затащил?

Фома: Это, когда он какого-то попа присадил? А тот запутался в том, сколько апокрифических евангелий существует... Помню... Смешно было...

Мэй (напряженно): Он к патриарху тогда с неудобными вопросами полез и еще чуть с организаторами не поссорился, да?

Нафа (резко): Точно! Сима! Улавливаешь мысль?

Сима: Улавливаю... Это не совсем то, но где-то близко.

Петр (Нафе и Симе): То есть вы хотите сказать, что Гуру задел кого-то, кто ему отомстил?

Мэй в волнении пытается начать ходить туда-сюда по своей привычке, но спотыкается о Фадю, падает на него.

Фил (трагически): Битва продолжалась в партере.

Все смеются.

Мэй: Фадь, ну, что ты разлегся, как тюлень...

Фадя поднимается и садится на пол рядом с Фомой.

Фадя: Встал, встал, а то один плюется, другой спотыкается.

Петр (медленно): А знаете, что мне в голову пришло?

Все ждут, смотрят на Петра, но тот молчит, хмурится, смотрит в пол.

Яша Большой: Петь, не тяни, что у тебя за манера, сказать «А» и не говорить «Б»!

Мэй (Яше Большому): Большой, не заедайся! Давай, Петь...

Петр: Почему меня спрашивали про организацию, про регистрацию...

Мэй: У нас же сайт, где мы выкладываемся...

Нафа: Мэй, сайты сейчас у кого ни попадя. Почему нашим заинтересовались?

Фадя (встает, растеряно): Ребята, на наш сайт были атаки. Я думал, так просто...

Ваня: Давно?

Фадя: Последняя – дня три назад...

Яша Маленький: А когда начались?

Фадя: Когда Нафа сделал статью об убийстве Меня...

Фома: Провокационная тема...

Андрей: Брось, кого это сейчас интересует? Почти никто и не помнит.

Яша Большой: А вот это ты ошибаешься... Помнят...

Ваня: А Гуру хотел еще делать свое собственное расследование, неформальное...

Сима: Вот вам и причина!

Мэй: Да брось!

Нафа: Почему? Сима прав. Одна из причин.

Сима: А мы еще подписи разные собираем, волонтерством занимаемся, с маргиналами делаем интервью...

Яша Большой: Ты Паука и Кувалду имеешь в виду? Какие они маргиналы! Обыкновенные ребята...

Ваня: Это для тебя...

Нафа: Правильно, один «лимоновец», другой «ночной волк»...

Сима: И никто не знает, чего от них ждать...

Андрей: Это что значит? Мы все «под колпаком у Мюллера»?

Нафа: Ты же сам говорил про тридцать седьмой!

Андрей: Я образно...

Яша Большой: Вот тебе и «образ»...

Сима: Так, значит, «почему», более менее ясно... Теперь надо понять, кто.

Мэй: Нет... Теперь давайте, что мы можем сделать.

Фадя: Во-первых, все на сайт...

Фома: Ага, и тебя тут же атакуют!

Фадя: Отобьемся..., в крайнем случае, сделаем другой, я всю информацию заранее сниму, чтобы, если что...

Нафа: Ребята, нужен адвокат..., толковый...

Фил: Ты думаешь, так серьезно?

Андрей: Очень похоже...

Мэй: Деньги?

Фадя: Сами соберем, и через сайт кинем клич.

Яша Большой: Тогда нас точно прихлопнут!

Ваня: А вы напишите, что Гуру заболел, нужны деньги на лечение. Никто не подкопается.

Яша Маленький: А счет?

Ваня: Откроем. Это может каждый из нас, это не противозаконно.

Мэй (восхищенно): Ванька, ты голова!

Нафа: Я всегда говорю, не бывает абсолютно безвыходных ситуаций, кроме смерти!

Сима: Бывает... Предательство!

Андрей (Симе): К вопросу: «кто»? Мысли есть?

Сима (твердо): Нет. Из нас точно никто, а кто-то другой...

Ваня (тихо): Тот, кого нет...

Сима (резко): Что?

Яша Маленький: Карика...

Занавес.

Конец первого действия.

Действие второе

Картина I

Обстановка первой картины первого действия. Кресла и пуфы сдвинуты в беспорядке, как будто из комнаты только что ушли. На полу лежит Фадя, перед ним открытый ноутбук, чуть поодаль, в кресле, закрыв глаза, полулежит Нафа.

Фадя (про себя): Вот... Ах, так? Ладно... Мы будем загружаться или в гляделки играть?

Ага, так-то лучше!

Нафа: Разговор человека с искусственным интеллектом...

Фадя: Смейся, смейся.

Нафа: Я не смеюсь. Только почему все сисадмины разговаривают с компьютером.

Фадя (не переставая копаться в ноутбуке): Потому, что надеются, что он им ответит.

Нафа: Это юмор такой?

Фадя: Нафаня, ты чего такой мрачный? Я все-таки не верю, что это Карик. И нельзя человека обвинять, не выслушав...

Нафа: Это понятно. Я не мрачный, а задумчивый.

Фадя: Про что задумался?

Нафа: Что дальше будет?

Фадя: Что должно, то и случится, а что случится, тот Бог даст.

Нафа: Я тебе прямо завидую...

Фадя (отрываясь от экрана): Это пуркуа бы?

Нафа: Ты ясный, все у тебя просто и прямолинейно.

Фадя (снова утыкаясь в экран): Не... Прямолинейно у Андрюхи, а у меня просто...

Кстати, кто-нибудь матери Гуру сказал?

Нафа: Андрей и Петька к ней поехали..., Там Ваня с Большим, еще какого-то юриста нарыли, в общем, они ее подхватят и к нему, а потом, все вместе в КПЗ..., или куда там, я никогда не попадал, не знаю...

Фадя: Ох, чует моя печенка, скоро мы все узнаем!

Нафа (приподнимая голову): Тьфу тебе!

Фадя: Хорошо бы...

Фадя оторвался от экрана, встал, прошелся по комнате.

Фадя: А ребята когда подъедут?

Нафа: Часа через полтора-два..., а чего?

Фадя: Жрать хочу...

Нафа (привставая): Извини, я пустой. (Хлопает по карману).

Фадя: Не вопрос. Ты и так вчера полянил...

Нафа закрывает глаза, ложиться в кресло.

Фадя: Наф?

Нафа: Мммм?

Фадя: Я тебя спросить хочу...

Нафа: Спрашивай...

Фадя: А чего ты вчера говорил, что это все от «усатого» пошло?

Нафа (открывая глаза): От Сталина? А от кого? Вечный страх и желание загнать всех в рамки.

Фадя: Ну, так... Это все когда было-то...

Нафа: Недавно...

Фадя: Ну, ты сказанул! Это ж лет пятьдесят прошло, а то больше!

Нафа: Хоть тысячу, хоть две..., в истории все по кругу ... Все тираны во все времена в принципе мыслят похоже и совершают идентичные деяния. Только внешний антураж меняется. Если тебя Сталин не устраивает, тогда давай от Ирода.

Фадя: От какого Ирода?

Нафа: От царя Ирода. Ирод Великий, который приказал избить всех новорожденных, чтобы Христа убить...

Фадя присвистнул. Нафа открывает глаза, садится в кресле.

Нафа: Понимаешь, какая штука - ничего нового люди не придумали..., за все время, пока на земле живут.

Фадя: Глобально..., а подтверждения?

Нафа: Пожалуйста... Для примера, что предшествовало распятию?

Фадя (перебивая): Давай без библии...

Нафа: Ты ж вроде не атеист!

Фадя: Нет, но, как это ... недостоверно...

Нафа: Гуру бы тебе ответил...

Фадя: Давай про Сталина. Как-то ближе...

Нафа: Да уж, ближе точно некуда... Вот тебе пример, Сталин и Орджоникидзе.

Фадя: А почему он?

Нафа: Так, Мэй напомнил... Понимаешь, Сталин подозревал всех, а больше всего друзей... бывших. Очень интересная штука – система тотальной слежки и страха. Тот, кто всех боялся, заставил всех дрожать.

Фадя: Это дебри какие-то...

Нафа (усмехнувшись): Не дебри, а казуистика. Он же своего лучшего друга довел до самоубийства!

Фадя: Что?

Нафа: То самое. Вот смотри, Христос ходит по Иудее, говорит о мире и любви, а за ним следят с трех сторон: шпионы от Анны и Каиафы – бывшего и действующего первосвященников, римские шпионы и царские. Орджоникидзе - нарком по индустриализации, откровенный мужик, эмоциональный, открытый, что думает, то говорит, а за ним следят и друзья, и Сталин лично, и НКВД.

Фадя: Какие-то сравнения у тебя...

Нафа (отмахнувшись): Я не то сравниваю, я про то, что чем более человек открыт, тем менее ему доверяют..., как нашему Гуру.

Фадя: Да... Я как-то не усек аналогию...

Нафа: А ты подумай...Все из одного корня растет.

Затемнение.

Картина II

Комната-рабочий кабинет. Освещение блеклое, свет раннего утра. Четко видно только окно с широким переплетом и письменный стол, к которому придвинут стол для заседаний, вокруг которого стоят стулья. На этом столе ничего кроме массивной пепельницы и подноса, на котором графин с водой и несколько стаканов.

На письменном столе настольная лампа с круглым зеленым абажуром. В круг ее света попадают папки с бумагами, два телефона, чернильный прибор и коробка папирос.

За письменным столом в кресле с жесткой спинкой сидит человек во френче. Его лица четко не видно, он наклонился к бумагам на столе, просматривая их.

В кабинет входит человек: высокий, с копной кудрявых темных волос с сильной проседью со лба и пышными черными усами. Одет в гимнастерку под ремень, без погон, галифе в сапоги.

Человек, который сидит за столом, поднимает голову: темные, зачесанные со лба волосы, пышные усы, лицо со следами оспы. Увидев вошедшего, протягивает руки в приветственном жесте.

Человек за столом: *Дила мивидобиса (с добрым утром, дословно: мирного утра – груз.), дорогой! Ты так рано? Ра арис ахали (что нового – груз.)?*

Вошедший (с акцентом): Коба, что ты делаешь?

Коба (с акцентом, легким тоном): Работаю, Серго. Ты, забыл, скоро пленум.

Серго: Что ты делаешь, Коба?

Коба достает из-под груди бумаг трубку, набивает ее, закуривает.

Коба (спокойно): Объясни, генацвале, я не понимаю.

Серго (возбужденно): Не понимаешь?

Коба (спокойно): Нет.

Серго: Почему ты вернул мой доклад?

Коба: Там надо кое-что исправить. Ты же видел мои замечания. (Шутливо) С каких пор ты стал так чувствителен к критике?

Серго (едва сдерживаясь): К критике? Ты называешь это критикой?!

Коба (веско): Да, дорогой, да! Ты помнишь слова Ильича? Мы должны прислушиваться друг к другу и доверять мнению товарищей по партии. Доверять!

Серго (задыхаясь): Доверять? Это ты мне говоришь о доверии?!

Коба встает из-за стола, подходит к длинному столу, наливает из графина воды в стакан. Протягивает Серго.

Коба: Выпей, дорогой. Зачем так волноваться. Давай обсудим спокойно. (Выдвигает стул из-за стола). Сядь.

Серго отталкивает руку Кобы.

Серго (сдерживаясь, более спокойно): Почему у меня вчера был обыск? Кто разрешил?

Коба (с досадой): Я же тебе еще вчера сказал, это НКВД, они и у меня могут обыск сделать. Это их работа.

Серго (с насмешкой): Подозревать честных людей?

Коба (серьезно): Серго, дорогой, ты же знаешь какое время! Никому нельзя верить... Даже себе... А вообще, спроси у Лаврентия, пусть он объяснит.

Серго: Я уже спрашивал... Я спрашивал из-за чего арестован мой брат, в чем его обвиняют... Он мне не ответил! Арестован человек, рекомендовавший меня в партию!

Коба (рассудительно): Значит, не мог. Серго, пойми у каждого своя работа, у него, у тебя, у меня...

Серго (решительно): Хорошо! Почему из наркомата исчезают люди? Мои люди, с которыми я съел пуд соли, проверенные ленинцы, специалисты, почему?

Коба (пожав плечами): Значит, они потеряли доверие товарищей. Мы не можем доверять тем, кто колеблется, троцкистам, зиновьевцам.

Серго: Это ты решил?!

Коба пожимает плечами.

Серго: Я видел доклад управделами наркомата: 160 человек! 160 человек - специалисты, элита! Все они враги, всем приписывают контрреволюционную деятельность! Вы в своем уме?!

Коба (остро): Где ты его видел?

Серго: Руководитель наркомата не может запросить документ, который ему нужен?!

Коба (веско): Не может! Никто не может требовать то, что является государственным секретом. Тот, кто прислал его тебе, преступник! Тот, кто сомневается в избранном партией курсе!

Серго: Сосо, ты сошел с ума?! наших товарищей арестовывают, исключают из партии, унижают, избивают! По твоему приказу! Что вы сделали с Пятаковым!? Я его видел после допроса! (Задыхается, подходит к столу, пьет воду). Это *твоя* линия? Ты дал полномочия этому *намирала* (*мерзавец, ублюдок – груз*)! Ты хочешь построить себе трон на наших костях?! Хочешь, чтобы тебя окружали берии и ежовы?

Коба (в ярости, но все еще сдерживаясь): Ты понимаешь, что ты говоришь? Ты носишься с вредителями, с врагами, которые нам мешают, и только потому, что у тебя с ними личные отношения! Ты думаешь, я не знаю, о чем вы говорите с Бухариным, Лакобой, Ломинадзе, Калмыковым?! У тебя в кабинете! В твоём доме!

Серго (тихо): Кому они мешают? Тебе и этому мингрельскому коротышке?

Коба (в ярости, надвигаясь на Серго): *Дедис патахи даганаре тавзе* (грузинская нецензурная брань)! Я тебя уничтожу! Слышишь! Тебя и всех этих ... (проглатывает ругательства).

Серго (спокойно): Я тебе доверял... Как товарищу... На пленуме я не буду плясать под твою дуду! **Резко разворачивается, уходит, хлопнула дверь.**

Коба набивает трубку, чиркает спичками, никак не может раскурить. Декорация поворачивается. На авансцене Нафа в кресле у столика читает Фаде книжку, которую забыл на столике Мэй.

Нафа:

- Что стоишь ты там, за портьерою?

Ты не бойся меня, Серго!

Эту комнату неказистую

Пусть твое озарит лицо,

Ты напой мне, Серго, грузинскую,

Ту, любимую мной, кацо,

Ту, что деды певали исстари,

Отправляясь в последний путь,

Спой, Серго, и забудь о выстреле,

Хоть на десять минут забудь!

Нафа закрывает книжку, кладет ее на столик. Фадя внимательно смотрит и слушает.

Нафа: Вот так-то... Всегда и везде одно и то же...

Затемнение.

Картина III

Дворец Каиафы. Внутренний двор. Каменные скамейки вокруг небольшого фонтана. Видна высокая стена, на которой лежит густая тень и вход во дворец – три высоких портика-ступеньки.

На одной из скамеек сидит Анна. Он в темном длинном плаще, который скрывает одежду. На голове темный тюрбан. Появляется Каиафа также в темном плаще и тюрбане. Кланяется Анне, тот отвечает.

Каиафа: Он пришел.

Анна: Зови его.

Каиафа хлопает в ладоши. Из тени выскальзывает невысокий, но ладный человек. Движения у него гибкие, быстрые, молодые. Он в темном плаще, на голове темное покрывало, которое держит жгут из ткани. Края покрывала закрывают лицо. Человек кланяется Анне почти до земли, поворачивается к Каиафе и отдает еще один поклон, менее глубокий.

Анна: Почему поклонился нам розно, объясни!

Человек (подобострастно): Потому, что старшему подобает старший поклон.

Анна (Каиафе с усмешкой): Мне нравится этот мерзавец. (Человеку). Назови себя. Ты знаешь, кто мы, но мы не знаем твоего имени.

Человек: Йехуда сын Симона.

Анна: Отцеубийца.

Йехуда (страстно): Я не знал, что этот человек мой отец! Я раскаялся!

Каиафа (насмешливо): Ему?

Йехуда: Что?

Каиафа: Ты Ему принес покаяние?

Йехуда (падает на колени): Я раскаялся Богу Единому! Я каялся искренно, мне был знак о прощении!

Каиафа (спокойно): Это ты можешь рассказывать тем, кто ходит за Ним. Я знаю про тебя гораздо больше, чем ты полагаешь, сын симонов... Но не это важно сейчас... (Смотрит на Йехуду). Встань! Я призвал тебя не для того, чтобы ты ползал и пресмыкался!

Йехуда поспешно встает.

Каиафа: Ты сказал, что не хочешь впасть в новый грех, и потому выдашь нам того, кто называет себя Царем Иудейским, так?

Йехуда кивает.

Анна: Странная вещь человеческое сердце! Ты ходил за ним, как барашек, когда он говорил, что он Сын Бога Единородный, Альфа и Омега, Свет миру, так почему ты хочешь предать его сейчас?

Йехуда (зло): Он не слушает моих советов, не любит меня, за что мне любить его? Человек не может воплощать Бога! Он не говорит просто, как говорили древние пророки!

Каиафа: Время пророков миновало!

Йехуда: Воистину так! А, значит, он лжепророчествует и достоин удушения!

Анна (про себя): Воистину прав Соломон! Ненависть возбуждает раздоры, а любовь покрывает все грехи! (Йехуде). Зачем же ты ходишь за Ним?

Йехуда: Я был в ослеплении. (Льстиво Анне) Ведь я только человек, обыкновенный человек. Я не читал мудрые книги, зато прислушивался к истинным ревнителям, чьи речи полны мудрости книжной. (Кланяется Анне).

Анна: Хорошо! Что ты хочешь за свою услугу?

Йехуда (вкрадчиво): Я не ради мзды пришел к вам, но ради справедливости...

Каиафа (Анне): Каков! Он торгуется, но хочет прослыть праведным!

Анна (Каиафе): Это его дело... (Йехуде). Ты человек небогатый, мы дадим тебе тридцать серебряников, если отдашь Его нам.

Йехуда кланяется и целует край плаща Анны. Анна кивает ему.

Анна: Теперь иди (кивает в сторону дворца) тебе дадут деньги и людей. Но бойся обмануть! (С угрозой). Тот, кому мы служим, все видит и все знает!

Йехуда поспешно кланяется и исчезает.

Каиафа: Что ты думаешь? Не обманет?

Анна (уверенно): Нет.

Каиафа: Из-за денег?

Анна: Им движет зависть и страх. Он завидует Тому и боится нас. Он еще не понял, но уже совершил - лашон ара...

Каиафа: Да, язык у него, как жало осы.

Анна: Если он забыл, что сказано: «Не ходи переносчиком в народе твоём и не восставай на жизнь ближнего твоего», - это его дело. Его грехи не падут ни на кого.

Каиафа (с сомнением): А мы?

Анна (высокомерно): Ты меня удивляешь, первосвященник... Ты или я угрожали ему?

Каиафа: Нет.

Анна: Побуждали его?

Каиафа: Нет.

Анна: Так отчего у тебя сомнение? Разве ты не сам сказал, что миновало время пророков?

Каиафа кланяется Анне.

Анна: Кроме того, он хочет власти, славы, это сквозит в его речах и взглядах... Он сам выбрал и сделал то, что сделал.

Каиафа: Только собирается сделать.

Анна: Вот и посмотрим, что будет, когда сделает.

Уходит. Каиафа уходит за ним.

Затемнение.

Картина IV

Обстановка первой картины первого действия. Все в сборе. Нафа, Петр, Андрей и Яша Маленький сидят у столика. Яша Большой и Ваня на тахте, рядом стоит Сима, подпирает столбик второго этажа. Фил и Фома расположились на кубиках-пуфах чуть позади стола, читают электронные книги, время от времени обмениваются мнением от прочитанного, что-то показывая друг другу на страницах. Фадя лежит перед ноутбуком, но он явно ничего не делает, неподвижно глядя в экран. Мэй ходит от окна к столику и обратно.

Мэй (посмотрев на Фадю): Фадя, отомри.

Фадя: А?

Сима: Нафа, ты зачем Фадю загипнотизировал?

Андрей (трагически): Когда Фадя вот так молчит, мне страшно!

Все засмеялись.

Фадя: А идите вы ...

Петр (улыбаясь): Фадя, поделись, о чем думаешь?

Фадя: О смысле жизни...

Нафа: Сколько раз тебе говорить, не ешь на ночь интеллигентов!

Все опять засмеялись. Фадя встал, подошел к столику, взял книжку Мэя открыл:

- Слезы крови не солонее,
Даровой товар, даровой!
Прет история - Саломея
С Иоанновой головой.
Земля - зола и вода - смола,
И некуда, вроде, податься,
Неисповедимы дороги зла,
Но не надо, люди, бояться!

Сима: Ты к чему?

Фадя (мрачно): К тому, что мы все боимся!

Нафа: Боимся...

Мэй (останавливаясь): Только никто из нас...

Андрей: Не пошел и не сдал Гуру, хочешь сказать?

Мэй: Да.

Яша Маленький: Если это Карик... (Заводится, но сдерживается). Вы, как хотите, а я его...

Петр (перебивая): Порешу, да, Яш? (Со вздохом). Как в плохом сериале про уголовников.

Яша Большой: Яш, ну, что ты глупости какие-то, ей-Богу смешно...

Яша Маленький (мрачно): Мне ни капельки!

Фома (неожиданно громко): Яша, мы не на Сицилии...

Фил: Ага, и омерта у нас не работает.

Андрей: Что не работает?

Нафа: Круговая порука, закон молчания, Андрюш.

Все замолчали. Фадя встал, сложил ноутбук, подошел и положил его на стол.

Фадя: Вы меня не поняли.

Все посмотрели на Фадю.

Петр: Чего мы не поняли?

Фадя: Я имею в виду, что все мы боимся узнать, Карик это или нет.

Фил и Фома переглянулись. Ваня покачал головой. Мэй остановился на середине пути и посмотрел на всех. Сима в сердцах плюнул на пол. Петр решительно достал телефон и набрал номер.

Петр: Привет. Ты где? К нам идешь? Хорошо. Да, мы все в сборе. (Кладет телефон в карман). Сейчас придет.

Нафа: И начнется самое интересное...

Мэй: В смысле?

Нафа: Ты сможешь с ним разговаривать?

Мэй (растеряно): Не знаю...

Нафа: То-то! Я на него и смотреть не смогу.

Андрей (удивленно): Почему?

Нафа: Потому... Нет хуже, когда за другого стыдно!

Яша Маленький: Да ну на фиг!

Андрей: Да, Нафа, это уже перебор...

Яша Большой: Придет, спросим...

Фил: А если это все-таки не он?

Фома: Извинимся...

Петр: Так просто, да? Сначала обвинить человека черт знает в чем, а потом извиниться!

Типа, прости нас Карик, ты честный коммунист!

Сима: А, как? Что ты предлагаешь?

Яша Большой: Да, задачка...

Мэй снова начинает мерить комнату шагами. Все замолчали.

Ваня: Если вам неудобно, я поговорю...

Бусы на входе с треском раздвигаются, в проеме раздвинутых нитей появляется голова. Человек, который высунул голову:

- Бу!

Петр: Привет, Карик...

Карик – «икона стиля»: прическа, одежда, обувь, улыбка – герой голливудского боевика.

Карик: Чего кислые такие?

Андрей: Не знаешь?

Карик: Знаю, но не вижу причин кисляк разводиться. Надо что-то делать.

Андрей: Например?

Карик: В интернет выложить, собрать всех, кто Гуру знает – пикет устроить, например.

Петр: То есть подставить всех и Гуру заодно, да?

Карик оценивающе рассматривает Петра.

Карик: Да ты, Петюня, трусил? Вчерашнего хватило? А так борьба и начинается, дружок.

Сима подходит к Карику, становится напротив него.

Сима: Слушай, революционер, а скажи, почему тебя вчера не было?

Карик (возмущенно): Я был, не смог к вам подойти... Толпища же была..., а потом я решил не подставляться, подумал, что, если я останусь на свободе, толку будет больше...

Андрей: А почему никому не отзвонился?

Карик: Я же не знал, что вас уже отпустили.

Яша Большой: Ну, поинтересовался бы...

Карик берет пуф-кубик, ставит его перед столиком, садится. Сима остается стоять чуть поодаль.

Карик: Я не понял, а что за вопросы такие?

Сима: А еще нет никаких вопросов. Мы еще тебя ни о чем не спросили.

Карик: Так спросите...

Ваня: Карик, это ты Гуру сдал?

Карик вскакивает.

Карик (всем, возмущенно): Совсем охренели?

Оглядывает всех, поправляет кубик, садится.

Карик: А, я понял, это шутка такая.

Ваня: Это не шутка. Нам кажется, что это ты сделал. Никто больше не мог.

Карик (Ване): Когда кажется, тогда, крестятся, деточка! Ты докажи!

Сима: Почему мы должны что-то доказывать? Не делал, так и скажи, мы поверим, а сделал...

Карик (перебивает Симу, издевательски): Буду отвечать по закону нашего сурового времени? Да, Семен?

Сима подходит к кубику-пуфу, на котором сидит Карик, нависает над Кариком.

Сима: Слушай, я тебе не Ваня. Я не буду долго разбираться, ты меня знаешь. Мне кажется, что это ты.

Карик прячет голову в плечи.

Карик: Только не бейте, дяденька!

Поднимает голову и смотрит Симе в глаза.

Карик: Ой, как страшно! Сима, на счет «кажется» я уже сказал. И ты меня не пугай! Отойди, а то воздуху не хватает!

Сима отодвигается от Карика. Смотрит на него в упор.

Сима (Карику): Я жду...

Андрей становится между Кариком и Симой.

Андрей: Стоп. (Симе). Семен, прекрати!

Сима (с досадой): Еще скажи, это не наши методы.

Отходит на прежнее место. Андрей поворачивается к Карику.

Андрей (Карику): А ты не паясничай, тебе задали серьезный вопрос.

Карик: Ой-ой, серьезненькие мои! Я вот думаю, куда бы вас послать с вашей серьезностью и вопросами умными...

Мэй: Хорошо, допустим, это не ты...

Карик: Допустим? Мне нравится ва-аще! С чего вы взяли-то, съели чего-нибудь?

Яша Маленький (закипая): Мы тебя по-человечески спрашиваем, а ты клоунаду устроил! Морду начистить?!

Нафа: Яков! Остынь! Тот, кто ставит изначально высокую планку, всегда не прав!

Яша Маленький: Тогда, и разговаривай с ним! (Демонстративно отворачивается от всех)

Нафа: Карик, давай так, почему мы думаем, что это ты?

Карик: Ну?

Сима (сквозь зубы): Не нукай, не взнуздal!

Мэй: Ша! Пусть Нафа говорит.

Нафа: Тебя не было, когда все пошли на площадь.

Карик: Тебя тоже.

Нафа: Методом исключения: Мэй не знал, я сразу сказал, что не пойду, все остальные знали и собирались идти.

Карик: И что это доказывает?

Петр: Карик, ты больше всех агитировал и не пришел...

Карик (раздраженно): Я там был, просто к вам не мог пробиться, толпа была большая. Я видел, как Колюня Гуру спровоцировал и понял, что надо сматывать удочки, иначе всех повяжут.

Все переглядываются.

Андрей: Кто?

Карик: Колюня. Он у «наших» первая затычка, его все менты знают, если Колюня, значит, фас.

Яша Большой: Карик, ты что сказал?

Карик (удивленно): Ты слышал...

Андрей: Ты знал, что он провокатор и даже не попытался никого предупредить?

Сима делает три шага вперед, становится перед всеми.

Сима: Подождите... (Оборачивается к Карику). Ты стоял так, что все видел, значит, довольно близко к нам... (Всем остальным) Там же такая толпа была, что, если не стоять в десяти–двадцати шагах, то ничего не увидишь...

Карик: И я должен был кидаться с ножом на паровоз?

Петр: Ну, ты мог хотя бы Гуру остановить, позвать?

Карик: А зачем? Мне было интересно, чем все закончится...

Петр подошел к Симе.

Петр (ровным тоном): Тебе было интересно?

Карик: Наблюдать интереснее, чем лезть в драку. Безопаснее...

Петр (так же): Тебе было интересно?

Петр делает резкое движение, дает Карику по физиономии, Карик от неожиданности падает на пол, тут же вскакивает, и кидается на Петра Сима, Нафа и Яша Большой разводят их.

Нафа (удерживая Петра): Петь, успокойся! Я думал, Симу ловить придется!

Карик (вытирая кровь из носа): Петенька, Вы типичный лузер!

Яша Большой: Карик, заткнись!

Петр: Ребята, я все понял!

Карик (отталкивая Яшу Большого, Петру): Что ты понял, придурок?!

Петр подходит к Карику, Яша Большой на всякий случай становится так, чтобы, если что, встать между ними.

Петр: Карик, ты же нам говорил, что у тебя среди «наших» знакомые в самом верху?

Нафа: Точно.

Мэй: Было такое.

Сима (всем): Вам еще доказательства нужны?

Карик спокойно ставит на место пуф-кубик, садится, так, чтобы его было видно всем.

Карик (спокойно): Мальчики, вы заигрались... Вместе со своим любимым Гуру! За свои слова надо отвечать... Вот ваш вождь и учитель уже и отвечает, а ваша очередь еще впереди!

Ваня: Карик, ты одержимый?

Карик встает, подходит к столу, берет с него какой-то маленький предмет, резко бросает Ване.

Карик: Лови!

Ваня инстинктивно пригибается, предмет пролетает мимо.

Карик: Я нормальный! (Поворачивается ко всем). Свобода, равенство и братство? А вот, хрен на ны! Хотите трепать языками, говорить то, что думаете - на кухню! Там вам самое место!

Нафа (Ване): Не, Иван, он не одержимый, просто обычная посредственность. Такие всегда пытаются управлять и решать, что кому можно. А, если на них плюют, то стараются устроить тотальный террор... Только на долго не получается...

Карик (насмешливо): На вашу жизнь хватит!

Мэй: Может быть... Только тебе-то какая радость? Такого, как раньше, уже не будет, даже Ходорковского вон, и то выпустили...

Карик: Ничего, еще не вечер!

Фадя: Карик, а ты не боишься?

Карик: Вас, что ли?

Фадя: Не нас.

Фома: Того, что тебя твои заложат?

Фил: Ага.

Карик: Я вас так слил, что мне теперь надолго хватит... Мне умные люди посоветовали... Вы - моя охранная грамота... Вас заплюют, а потом также быстро забудут... Время такое: сначала скандал, потом контрскандал, потом отклики, потом тема иссякла и все, тью-тью интерес...

Петр подходит к креслу, садится.

Петр: Наверх по трупам, ничего оригинального.

Фадя: Карик, ты преувеличиваешь...

Фил: Ты не радуйся, мы отобьемся.

Фома: А потом будем гордиться собой (смотрит на всех), да?

Нафа улыбнулся, Ваня засмеялся, Сима фыркнул по-кошачьи, Яша Маленький покрутил пальцем у виска.

Яша Маленький (Фоме): Фомка, ты все-таки дятел!

Фома (с дурашливым видом): А я че, я ниче...

Карик (зло): Вы чего, рассчитываете, что все вместе будете?

Андрей: Будем, не будем, тебя не касается... уже

Сима: Карик, а тридцать серебряников тебе заплатили?

Карик: Что?

Андрей: Хоть покажи, любопытно...

Карик вскакивает, пинает кубик-пуф.

Карик: Ну, вы у меня еще попляшете!

Сима (вслед Карик): Рады стараться!

Уходит, яростно отдергивая бусы.

Ваня (глядя на бусы, которые качаются): *"Когда же настало утро, все первосвященники и старейшины народа имели совещание об Иисусе, чтобы предать Его смерти. И, связав Его, отвели и предали его Понтию Пилату, правителю. Тогда Иуда, предавший Его, увидев, что Он осужден, и, раскаявшись, возвратил тридцать серебряников первосвященникам и*

старейшинам, говоря: согрешил я, предав Кровь невинную. Они же сказали ему: что нам до того? смотри сам. И, бросив сребреники в храме, он вышел; пошел и удавился».

Сима: Этот не удавится...

Фил: Поживем, увидим...

Петр встает.

Петр: Ладно, ребята, хватит лирики, я к матери Гуру еду, кто со мной?

Фадя глянул на Фила и Фому, те кивнули.

Ваня: Я с вами.

Андрей: Я поспать, Сим, ты ко мне?

Сима кивает. Все постепенно расходятся, прощаясь.

Остались только Нафа и Мэй.

Яша Маленький (уже на пороге): Мы же будем вместе? Да?

Нафа: Мы постараемся...

Яша Маленький уходит.

Нафа: А ты чего домой не идешь?

Мэй: Не хочу... Кафе как работает?

Нафа: До четырех.

Мэй: Вот поутру и пойдем...

Нафа кивает, откидывается в кресле, закрывает глаза. Мэй открывает книжку, которая так и лежит на столе.

Мэй (читает):

- А Мадонна шла по Иудее!

И все легче, тоньше, все худее

С каждым шагом становилось тело...

А вокруг шумела Иудея

И о мертвых помнить не хотела.

Но ложились тени на суглинок,

И таились тени в каждой пяди,

Тени всех бутырок и треблинок,

Всех измен, предательств и распятий...

Аве Мария!..

